

НИКОЛАЙ СВЕЧИН

**АДСКИЙ
ПРИИСК**

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С24

Свечин, Николай.

С24 Адский прииск / Николай Свечин. – Москва : Эксмо, 2025. – 320 с.

ISBN 978-5-04-225574-8

В этих жутких местах живут лишь ссыльные. Ну как живут. Выживают. Свирепый климат, тайга, полная голодных хищников. Жесткие законы, основанные на праве сильного. И в этот земной ад отправляется выдающийся петербургский сыщик Алексей Николаевич Лыков. Ему поручено найти затерявшийся в горах поселок, который не значится ни на одной карте. Но за которым тянется шлейф дурных, очень нехороших слухов.

Говорят, в поселке бесследно исчезают люди – по полсотни за год. Уходят туда – и с концами. Ни слуху ни духу. Но что совершенно не укладывается в голове: внезапно союзником Лыкова становится крестный отец петербургской преступности, «русский профессор Мориарти» Илларион Рудайтис по прозвищу Сорокоум. Этот дьявол во плоти пообещал сыщику любую помощь и деньги, лишь бы тот добрался до таинственного места и разыскал там родного брата Сорокоума Михаила...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-225574-8 © Свечин Н., 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Автор благодарит историка
Андрея Климова (г. Якутск)
за ценные консультации.

Глава 1

КУДА МАКАР ТЕЛЯТ НЕ ГОНЯЛ

Директор Департамента полиции Брюн-де-Сент-Ипполит вел статского советника Лыкова на расправу к начальству. Тот в очередной раз провинился – при аресте налетчика Абрамова по кличке Мальчик жестоко избил его. Мальчик был саженного роста, весил девять пудов и сдаваться полиции без боя не пожелал. За последнюю неделю он ограбил четверых человек в пригородах, причем всем им (включая даже одну женщину) нанес сильные побои. Отобрал ценности, да еще и поглумился – оставил жертв в одном белье. Агенты ПСП¹ выследили негодяя в Автово, и их начальник Филиппов пригласил на задержание своего приятеля Лыкова. Мол, парень там дюжий, как бы он моим ребятам бока не намял; подсоби... И Лыков подсобил. Он знал о гнусном поступке Мальчика в отношении женщины: Абрамов разбил ей лицо в кровь и ножом расцарапал грудь. Такое статский

---

¹ ПСП – Петербургская сыскная полиция.

советник терпеть не стал и отлупил бандита как сидорову козу. Приговаривая при этом: «Не грабь! Не обижай слабый пол!»

В следственной тюрьме врач констатировал у доставленного сломанные ребра, выбитую челюсть и гематомы по всему телу. Он, разумеется, отразил это в рапорте, и у сыщика начались неприятности. Люди Филиппова как один подтвердили, что Абрамов попер на Алексея Николаевича с ножом и норовил зарезать, вместо того чтобы сдаться по-хорошему. И тому ничего не оставалось, как защищаться. Причем голыми руками. И было не до рассуждений о чрезмерном или разумном применении силы.

Руководители Лыкова сами никогда не ходили на ножи и револьверы. И сочли слова сыскных корпоративной ложью. «В который раз!» — верещали они, сидя в своих уютных креслах. Особенно ярился непосредственный начальник. Брюн решил примерно наказать подчиненного, чтобы «отбить охоту калечить людей». Он заручился поддержкой в сферах и теперь вел неслуха на Голгофу. Алексей Николаевич, повидавший на своем веку уже много директоров и министров, шел с равнодушным видом. Выволочек он не боялся, все нынешнее руководство МВД в грош не ставил, понимая, что эти временщики уйдут, а он, скорее всего, продолжит служить.

Лыков с Брюном зашли в кабинет министра и обнаружили там, кроме Маклакова, еще и генерал-майора свиты Его Императорского Величества Джунковского. На пра-

вах товарища министра¹ он заведовал полицией и являлся ближайшим начальником директора департамента, а также его приятелем. Ишь, слетелись стервятники...

Маклаков, как всегда с пустыми глазами, молча кивнул вошедшим. Брюн-де-Сент-Ипполит сел, а Лыков остался стоять, словно провинившийся гимназист перед педагогом².

— Ну, начнем? — грозно начал Джунковский. — У нас опять членовредительство, и опять по вине статского советника Лыкова. Превышение власти и особая жесткость. То-то газетчики обрадуются.

«Дались им эти газетчики, — подумал Алексей Николаевич. — Делать репортерам больше нечего, как жалеть разбойника и негодяя». Однако министр полагал иначе. Он так же грозно свел тонкие брови и приказал:

— Доложите подробности.

Брюн вскочил и начал доклад:

— Николай Алексеевич, сколько можно это терпеть? В грош не ставит закон. Привык все решать кулаками. Из-за таких нас, полицию, и не любят, да.

— Валентин Анатольевич, ближе к делу, — одернул директора товарищ министра.

— Слушаюсь. Значит, так. Присутствующий здесь статский советник Лыков третьего дня участвовал в арестовании налетчика Абрамова. По просьбе начальника столичной сыскной полиции Филиппова...

---

¹ Товарищ министра — заместитель.

² Педагог — надзиратель, следивший за поведением гимназистов.

— А почему тот обратился за помощью? — проявил вдруг интерес министр.

— Э-э...

Лыков пояснил:

— Так бывает нередко. У меня большой опыт задержаний всякого отребья. Особо опасного, которому или нечего терять, или они просто буйные и при аресте могут причинить вред чинам полиции.

— А вам что, не могут?

— И мне могут, Николай Алексеевич. И бывает, что причиняют. Но меня, как правило, выручает тот самый опыт. Видите, еще жив до сих пор... при четырнадцати ранениях. Виноват, пятнадцати.

В кабинете повисла пауза. Но Брюн вновь напористо заговорил:

— Не надо про ранения, давайте лучше про соблюдение закона. Почему вы при задержании так жестоко изувечили подозреваемого?

— Валентин Анатольевич, вы же юрист, — укорил начальника подчиненный. — Юристы должны быть точны в терминах. Я его слегка поучил. Руки-ноги целы. Ребра зажили. Слово «изувечил» тут неприменимо, вы намеренно сгущаете краски. Хочется спросить: с какой целью?

Алексей Николаевич уже решил, что виниться не станет и порочить себя не даст. Брюн — честный человек, строгий законник, и его достоинств сыщик не отрицал. Однако, как кабинетный деятель, директор иногда пере-

гибал со своей законностью. В России живем! Тут голову оторвут, пока листаешь Уложение¹.

Директор запнулся, а сыщик продолжил:

— Абрамов с ножом напал на представителя власти и честно попытался его, то есть меня, зарезать. Вы хоть представляете, господа, что такое нож в руках отчаянно-го человека? Поверьте — опаснее, чем револьвер. Если бы я стал рассуждать над степенью необходимой самообороны, вы бы сейчас несли венки за моим гробом...

Джунковский крикнул — ответ статского советника ему понравился. Однако министр (он почему-то сидел в придворном мундире гофмейстера — возможно, вернулся с высочайшего доклада) продолжал хмуриться.

— Нож или пистолет — ничто не дает вам права нарушать закон, — буркнул он в тощие усы. — Можно было оглушить, повалить... ну не знаю... схватить за руки...

Алексей Николаевич иронично покосился на гофмейстера — вот специалист по арестам! Его бы туда, на захват. Пусть покажет класс.

Воодушевленный Брюн подхватил:

— Лыков славится в дурном смысле подобными фокусами, которые безнаказанно проделывает много лет. Однажды его все же привлекли и осудили — за убийство уголовного при допросе. Каким-то образом он выкрутился и продолжил прежнее. Пора прекратить наконец!

---

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных — свод законов Российской империи.

Последнюю фразу директор произнес фальцетом. Алексей Николаевич дал ему закончить и нанес ответный удар:

— Вы сегодня не в ладах с фактами. Побои переименовали в увечья, а теперь искажаете судебное дело. Как известно, суд доказал мою невиновность. Восстановил в чинах и вернул на службу. Это раз.

— А-а...

— Попутно, отбывая незаслуженное наказание в Литовском замке, я вскрыл преступный сговор, по которому в столичной тюрьме спрятались под чужими именами полсотни особо опасных преступников¹. За что получил Высочайшую благодарность, двенадцатую по счету. Виноват, тринадцатую. Или четырнадцатую? Одним словом, больше, чем у вас всех вместе взятых... Повторю свой вопрос, Валентин Анатольевич: с какой целью вы это делаете? Зачем передергиваете карты и очерняете меня в глазах министра и его товарища?

Брюн-де-Сент-Ипполит начал розоветь и пучить глаза. Не обращая на это внимания, Лыков повернулся к министру:

— Налетчик Абрамов избил четверых, ограбил, угрожал ножом, раздел и пустил по миру в одном исподнем. Женщине тридцати лет, мещанке Синицыной, исцарапал ножом грудь, вынес три зуба. Вот такое сколько можно было терпеть? Негодяй получил по заслугам. В следующий раз, когда ему захочется поиздеваться над женщиной, он вспомнит урок. Вдруг снова явится Лыков и накажет? Глядишь, передумает...

---

¹ См. книгу «Взаперти».

Джунковский опять издал одобрительные звуки. Он всегда лавировал, гоняясь за благосклонностью общества. Сейчас генерал решил, что сыщика надо проучить, но не сильно. И предложил министру:

— Николай Алексеевич! Формально Лыков неправ. Избил арестанта, хотя мог только разоружить. Повалить и все такое... С его-то опытом. Ну, дал в морду, но ребра ломать, конечно, излишняя жестокость. Однако его можно понять. Лезет громила с ножом, бешеный. Недавно глумился над женщиной, что уж совсем гнусно с его стороны. И статский советник не сдержался.

— Что вы предлагаете, Владимир Федорович? — с досадой уточнил Маклаков. Разговор его явно тяготил.

— Наказать. Но разумно, с пользой для дела.

— Это как?

Джунковский вынул из папки заранее принесенную бумагу:

— Вот отношение действительного статского советника Нарышкина, исправляющего должность губернатора Якутской области. Вы отписали мне его давеча для предложений.

— Якутской? — Министр с трудом вспомнил. — Это там был пулемет?

— Точно так. Я воспроизведу содержание. Нарышкин доносит, что на востоке области, в притоках реки Колымы, завелась крупная шайка беглых каторжников. Ведут они себя непонятно: не уходят, зимуют второй год, хотя в тех краях зимовка — дело трудное. Как будто медом там

намазано! Бандитов считают дюжинами. Целый поселок выстроили, шельмы. И в города будто бы не суются, а торчат в горах. Когда Нарышкин прослышал о банде и послал на ее ликвидацию казаков, уголовные встретили их пулеметным огнем! Три человека были ранены, один из них потом умер. Казаки, понятное дело, не ожидали такого отпора и отступили. Банда и сейчас там, в ус не дует. Врид¹ губернатора просит помощи. Войск в Якутии кот наплакал, одна только местная команда, и та больше на бумаге. Вместо полиции — слабые казачьи полусотни, разбросанные по огромному краю. Как им помочь?

— Вот и пошлите туда Лыкова! — с ходу решил министр. — Ему что ножи, что пулемет — все едино. Пусть едет и разберется. Беглые каторжники Алексею Николаевичу чуть ли не по именам знакомы.

— Слушаюсь! — не без сарказма подхватил статский советник. — Вот я им задам! Пулемет отберу и выпорю. Будут помнить до новых веников!

Не обращая внимания на руководство, он подошел к карте империи, висевшей за спиной Маклакова и занимавшей всю стену. Отыскал на ней Колыму и прикинул:

— Примерно десять тысяч верст в один конец. Добираться придется два месяца, и обратно столько же. Ну и там одним днем ничего не решишь. Сегодня у нас десятое июня тысяча девятьсот четырнадцатого года. Если я завтра уеду, вернусь уже к зиме. Продержитесь тут без меня, ваши превосходительства?

---

¹ Врид — временно исправляющий должность.

Генерал-майор захохотал в полный голос, даже гофмейстер улыбнулся, и только действительный статский советник желчно заявил:

— Считаете себя незаменимым? Ступайте, обойдемся и без вас!

— Вы уверены? Скоро ведь война. Hanibal ante potas¹.

— Правда у ворот? — растерялся министр.

— Правда. И скоро он постучит в них своим железным кулаком.

Алексей Николаевич щелкнул каблуками и вышел. Он успел услышать за спиной возмущенный голос Брюна-де-Сент-Ипполита:

— Нет, но каков гонор!

Джунковский ответил:

— Имеет право. Я вот вам расскажу историю про Лыкова...

Статский советник вернулся в кабинет и огорошил своего помощника Азвестопуло:

— Сергей, ты надолго останешься один, давай обсудим дела.

— Куда вас Брюн законопатил? — встревожился коллежский асессор.

— В Якутскую область, помогать губернатору истребить банду беглых каторжников.

— Это за того дурака, за Абрамова?

---

¹ «Ганнибал у ворот» — древнеримское выражение, означающее близкую и серьезную опасность.

— И за него тоже. Ты ведь знаешь, отношения наши *не* заладились, директор пытается выжить меня из департамента.

— Долдон! А кто будет разбойников ловить?

— Сам возьмется за гуж. А! Все они на одну колодку. Сперва Курлов пульнул меня в Туруханск, и в результате мы с тобой ликвидировали «номера для беглых»¹. Затем другой болван, Макаров, послал в бессмысленную командировку в Верхнеудинск². И мы обнаружили выборы «ивана иваныча». Нынешние решили укатать еще дальше. Чую, в следующий раз отправят на Луну. И еще думаю: что же мы выявим в этот раз?

Лыков сел напротив помощника и стал рассуждать:

— Не впервой! Я пересижу их всех, и даже нервы тратить не собираюсь. В Якутск давно надо было послать опытного человека, беглые там действительно обнаглели. До царя далеко, власть жметя к городам, а вокруг гуляют медведи... Ты там не был?

— Нет.

— И я тоже. А надо. Дыра стала прибежищем всякого сброда. Сил у местной полиции мало, а их, представь, встретили пулеметным огнем, когда те пришли в гости.

— Пулемет? — Азвестопуло почесал голову. — И что вы с ним сделаете? Гаубицу с собой прикатите?

— В Якутии гаубиц нет, — вздохнул Алексей Николаевич. — Территория по площади как пол-Европы, населе-

---

¹ См. книгу «Столица беглых».

² См. книгу «Паутина».

ния — как в уезде средней полосы. И войск с гулькин клюв.

— А Якутское казачье войско? — возразил Сергей. — Ух! Казаки — гордость России. Рысью марш-марш! И шашками всех порубают.

Чиновник для поручений в пятом классе дал своему помощнику поиронизировать. Потом продолжил:

— Я начну собираться, долго затягивать нет смысла. Там в августе уже снег выпадает. Лучше обернуться до холодов.

Азвестопуло посерьезнел:

— Сколько же времени вас не будет?

— Кто знает? С дорогой в оба конца — месяца четыре.

— Четыре месяца! Он же меня за это время сожрет...

Брюн-де-Сент-Ипполит распространил свою неприязнь к Лыкову и на его помощника.

— Перестань наговаривать, — остановил старый сыщик молодого. — Брюн — человек безусловно порядочный. Просто он всю предыдущую службу стоял в стороне от ежедневной практической деятельности полиции. Следил за соблюдением законности — это полезно, если вспомнить, какие у нас кадры. Но по земле Валентин Анатольевич не ходил, реального положения дел не знает, вот и ерепенится. Хочет строгостью исправить то, что копилось годами. Наивная политика, с ней он далеко не уедет.

— Пока далеко едете вы, — напомнил коллежский асессор.

— Ну съезжу. Так ведь по делу. Сколько можно терпеть эту разбойничью республику? Губернатор пишет: они там

целый поселок выстроили. Скоро синематограф заведут! С лупанарием¹... Нет, выжечь каленым железом, а ребят водворить обратно в клетки. Согласись, на это моих навыков хватит.

Лыков тут же поправился:

— Должно хватить. Дело нелегкое: далеко от Петербурга. Придется потрудиться. Заодно отдохну от Брюна, разомну затекшие члены. Что тебе оттуда привезти? Соболей Марии на воротник? Хотя нет, охота на них запрещена до девятьсот шестнадцатого.

— Себя привезите, живого и здорового, — хмуро ответил Сергей. — Четыре месяца без вас... Вот я влип! А нельзя мне к вам присоединиться? Там небось прогонных миллион. Туда десять тысяч верст, оттуда столько же. Почему у нас верста?

— Тебе, как чину восьмого класса, полагаются три лошади, по две с половиной копейки за версту с каждой, то есть в сумме семь с половиной копеек. Возьми почтовый дорожник, узнай там расстояние и умножь. Прими во внимание, что на Иркутско-Якутском тракте тариф удваивается.

— А вам сколько отмусликают?

— Мне, как чину пятого класса, заплатят за шесть лошадей, то есть пятнадцать копеек с версты.

— Ого! Сейчас подсчитаю...

Грек схватился было за дорожник, однако Алексей Николаевич его остановил:

---

¹Лупанарий — публичный дом в древнем Риме.

— Можешь не тратить время на пустые вычисления. Ты со мной не едешь.

— Но почему? Такие деньжищи можно загрести!

— Сиди и не чирикай. Так надолго мы не можем оба оставить департамент. Зашьются ребята без нас. Брюн этого не понимает, но он сам себе готовит проблему. Ведь не сегодня завтра война.

Азвестопуло полминуты обдумывал услышанное, потом спросил:

— Это точно?

— Точнее не бывает. Политики добились своего. Теперь держись, Россия.

— Да... Но что это значит для нас? Почему Брюн получит проблему? Мы полиция, а не армия.

— Рассуди сам, — ответил статский советник. — Придется поставить под ружье огромное количество людей. Сорвать их с места, сломать жизнь, послать на убой. Многие не захотят такого. Появятся дезертиры, симулянты. Доктора озолотятся, выписывая липовые свидетельства о болезнях. А окраины? Поляки начнут диверсии. Финляндцы тоже. Кавказ, Туркестан, даже Малороссия — везде возможно неповиновение. В мутную воду, которую поднимет война, ринутся проходимцы ловить золотых рыбок. Преступность удвоится, если не утроится. Часть полиции подпадет под мобилизацию, силы ее ослабнут, а дел прибавится. От Тюремного комитета тоже призовут, значит участвуют побеги арестантов. Начало этой заварухи я, скорее всего, буду наблюдать из Якутии. Брюн и в мирное

время не справляется, а когда заговорят пушки, совсем упустит вожжи. Хоть ты останешься в департаменте, опытный и разумный человек. Советуйся в важных вопросах с Лебедевым, в случае нужды обращайся к Лерхе.

Лебедев руководил Восьмым делом производством департамента, этим всероссийским сыскным отделением. А Лерхе служил вице-директором. С обоими Алексей Николаевич поддерживал дружеские отношения.

До вечера сыщики обсуждали накопившиеся дела. Дав инструкции, Алексей Николаевич отправился к себе на Каменноостровский проспект. Жена сидела за газетами. Когда она подняла глаза, сыщик понял, что Ольга Дмитриевна напугана.

— Леша! Что же это делается? Австрийцы готовят маневры в Боснии, и именно в день святого Витта, скорбный для сербов. Это они нарочно?

— Думаю, что да.

— Франц-Иосиф хочет войны?

Лыков сел напротив, сбросил ботинки и перебрался в домашние туфли:

— Ее хотят политики. Причем все сразу: и наши, и ихние. Мирной жизни нам осталось всего ничего. А я уезжаю, и надолго.

— Именно сейчас?

— Да. Начальство с глузду съехало, посылает меня в Якутию почитай что до Рождества. Мелкая месть мелких людей.

— И никак нельзя повременить, а еще лучше отменить?

— Ольга! Ты же давно поняла, что значит быть моей женой. Терпи.

— Значит, нельзя...

Лькова-Оконишникова едва не всхлипнула, но сдержалась.

— Когда ты едешь?

— Неделю на сборы мне дадут. Мы успеем обсудить, что тебе делать. Слушайся барона Таубе. Он человек военный и лучше всех знает, как себя надо теперь вести. Но кое-что сообщу тебе и я. Запоминай.

Супруга вынула из бюро блокнот и карандаш и сделала послушное лицо.

— Всю золотую монету, что есть в доме, собери и спрячь. Отныне мы пользуемся только банкнотами.

— Но...

— Почему? Золото станут потихоньку изымать из обращения. Кто? Правительство. Зачем? Это стратегический материал, он понадобится для закупок за границей необходимых оружия, огнеприпасов и прочих предметов.

— Поняла, — кивнула Ольга Дмитриевна и записала.

— Далее. Я завтра оберну пятьдесят тысяч со своего счета в золото и положу в безопасный ящик¹.

— Так много? Ты считаешь, что война продлится долго? Больше года?

Статский советник мрачно ответил:

— Тебе лучше не знать, чего я жду от этой войны. Но она будет долгой.

---

¹ То есть в депозитарную ячейку.

Лькова-Оконишникова сморщилась, а супруг продолжил:

— Русская армия к ней не готова. Как горько острят мои друзья военные, это ее перманентное свойство. Биться с хорошо организованной германской машиной — занятие тяжелое. Убьют много людей.

— Но тебя ведь не призовут?

— Нет, я слишком старый для этого. Потом, из общей полиции по мобилизационным планам заберут примерно каждого десятого. А из сыскной — никого. Даже наши низколобые вожди понимают, что кто-то должен ловить преступников.

— А Павел и Николай? — продолжила уточнять жена.

— Они офицеры, их место в строю. Однако специфика службы сыновей такова, что в пехотную цепь командовать полуротой не пошлют. Шпионов тоже надо изымать, а еще засылать во вражеский тыл своих шпионов. Так что они сядут в штабах. Зная характеры Чунеева и Брюшкина¹, уверен, что они будут рваться в боевые операции. Нам остается лишь молиться за них...

Ольга Дмитриевна уткнула карандаш в бумагу:

— Что еще?

— Рубль примется худеть, но не сразу, а постепенно. Нужно ввести экономию. Начни записывать свои расходы и смотреть, что там лишнее и где можно найти то же самое, но дешевле. Далее. Я слышал в Министерстве финансов, что с объявлением кампании в стране могут ввести временный запрет на продажу алкоголя...

---

¹ Семейные прозвища Николая и Павла Лыковых-Нефедьевых.